

ВОЛЯ И ДОЛЯ: СИБИРСКИЙ ФРОНТИР КАК ПОИСКИ РАЯ

Рассматриваются нравственно-политические истоки сибирского фронта как явления, уникального по своим масштабам и темпам освоения этой огромной территории. Дихотомия концептов «воля» и «доля» раскрывает ментальные начала массовых волн переселения – казачьей и крестьянской, а прочтение Сибири как рая или ада служит ценностным основанием для продолжающейся дискуссии о значении данного края для России.

Ключевые слова: Сибирь; фронт; пассионарность; концепты «воля» и «доля», политика.

В процессе освоения Сибири поиски рая приобретали для наших предков нравственно-политический аспект, и это моральное состояние изумляло и до сих пор изумляет исследователей. В таком случае мы не можем сбрасывать со счетов общую пассионарность народов и правительств России, благодаря которой со времен деда царя Ивана Грозного до императрицы Екатерины общая территория страны увеличилась практически в 20 раз. К.И. Арсеньев, основатель русской статистики, экономист и географ дает следующую динамическую характеристику данного процесса. В 1462 г., в начале правления Великого князя Ивана Васильевича, Россия обладала площадью в 18 200 кв. миль. В 1553 г. при вступлении на престол его внука Ивана Васильевича (Грозного) площадь составляла уже 37 200 кв. миль, а на момент его смерти – 144 000 кв. миль. Первый царь в династии Романовых Михаил Федорович получил царство площадью в 148 000 кв. миль, а оставил сыну, царю Алексею Михайловичу, 258 000 кв. миль. После смерти внука первого Романова, императора Петра I, в 1725 г., – уже 280 000 кв. миль. Его дочь Елизавета получает от своих предшественников 325 000 кв. миль. А Екатерина II оставила потомкам 336 000 кв. миль российской территории [1. С. 6–7].

И все же в череде этих приращений сибирский фронт занимает уникальное место и по размерам площади, и по скорости ее покорения. Сто лет назад русский историк Н. Костомаров писал о первых покорителях Сибири: «Их удалство, предприимчивость и необыкновенная устойчивость в перенесении всевозможных трудностей и лишений представляется в наше время почти невероятной» [2. С. 472].

А Фернан Бродель, публикуя в начале третьего тома своей «Материальной цивилизации» карту продвижения России (чи казаки и промышленники за сто с небольшим лет, с 1550 до 1660 г., прошли по топяной Западной Сибири, непроходимым горам Центральной Сибири, пока, наконец, не уперлись в Китай(!)), соглашается со своим оппонентом Валлерстайном, что Сибирь создавалась военной силой, а экономика была вторичной [3. С. 17].

С формальной точки зрения Бродель прав, но если внимательно посмотреть на принадлежность этих воинских образований, их незначительное даже по тем временам количество, то потребуются что-то другое, чем просто расстановка приоритетов в отношениях политики и экономики. И этим другим является *воля*.

Согласно С. Аверинцеву, в противовес западному мировоззрению, где бытие делится на три части (*сверхъестественное* / божественное и *противоестественное* / адское, между которыми лежит живущее по своим законам, «хотя и под властью Бога», *естественное* / земное), русская духовность делит мир не на три, а на два – Рай и Ад. Власть самодержавная «это нечто, находящееся либо выше человеческого мира, либо ниже его, но, во всяком случае, в него как бы не входящее» [4. С. 354–355].

Определение Аверинцевым русского мировоззрения как дуального дает возможность не только определить отношение к власти как божественной или антихристовой, но и позволяет выдвинуть на основе данного понимания гипотезу о том, что отсутствие естественной и земной зоны с неизбежностью заставляло русских людей искать рай на земле (или, во всяком случае, бежать от земного ада). Этому мы находим подтверждение у Н. Костомарова о духовных и социальных изменениях, предшествующих рассматриваемому нами периоду. Он писал, что в характере русского человека сложилась черта, когда в условиях недовольства властью он не оказывал сопротивления, а «бежал, искал нового отечества», что было «причиной громадной колонизации русского племени» [2. С. 463–464].

Не случайно в один из самых жестоких периодов в русской истории, в царствование Ивана Грозного, возникает духовный идеал, воплотившийся в мощном пассионарном стремлении к *воле* и мировоззренческой модели *земного рая* – иного общественного строя, недоступного царской власти с ее карательными функциями и возрастающими налогами, свободного от кабальной зависимости от других эксплуататоров – бояр и монастырей.

Филолог В. Колесов, анализируя средневековые тексты, показывает существенное отличие концепта «свобода» и связанного с ним концепта «воля»: «В отличие от “свободы”, всегда реальной, “воля” – понятие нравственное» [5. С. 124]. А поскольку «воля» и «власть» в русском языке этимологически связаны, получается интересный конструкт. Выражая свою волю, русский человек тем самым показывал, что он уходит из-под государственной воли (власти). Все это наиболее ярко выразилось в феномене казачества и его роли в освоении Сибири. Этот казацкий идеал включал в себя, по Костомарову, полную личную свободу, основанную на неограниченном налогами и сборами землевладении, выборное управление и об-

щественный суд, полное равенство всех членов общины и т.п. [2. С. 465].

Здесь мы сталкиваемся с еще одним парадоксом. Граница в эпоху советского и, в значительной мере, современного, постсоветского модерна в моменты наивысшей напряженности «...постепенно приобретает значение рубежа Добра и Зла... Там, где границ не было, они возникают, а те границы, которые существовали, например, государственные, приобретают значение Главной Границы и Последнего Рубежа» [6. С. 78]. В рамках же нашей гипотезы для казачества, которое селилось в основном по рубежам Московского царства, Зло отечественное, государственное, и Зло от внешних врагов, зарубежное, неразрывно переплетались с Добром, которое несли *вольная* служба царю или поиски лучшей судьбы через покорение новых враждебных земель. Вольное служение уже само по себе, безусловно, предполагало высшую награду – рай небесный. Так, Семен Ремезов, составивший первую «Историю Сибирскую» по рассказам очевидцев, ранних легендам о Ермаке, писал о том, что в великой битве открываются и Рай, и Адская бездна. Павшего в бою христианина, сражавшегося за свое знамя, веру христианскую, святые церкви, за самодержца, за свой род, ангел прямо с коня забирает в рай, а бусурманина демоны тащат «с коня да в ад к своему сатане» [7. С. 571].

Образ новой территории, по-райски изобильной землями и реками, пушминой, драгоценными металлами, маний первых покорителей Сибири. Это находит отражение и в сказках русскоязычного населения, и в универсальных грезах (имеющих истоки в легенде о «Царстве пресвитера Иоанна» и ее русской версии – «Сказании об Индийском царстве»), которые вели к поиску раю на земле средневековых европейцев. Подобно поискам родственной христианской веры в мифическом иоанновом царстве в Индии или других местах, сибирские «землеискатели», как называет их Костомаров, интересовались не только ценным мехом – фактически «мягкой валютой» для государства, но и еще более богатыми краями. Рождались слухи «о существовании большого озера Ламы (Байкала), края богатого, где есть серебряная и золотая руда», и о многочисленном и богатом народе бурятском, которого русские называли «братским» (в 1631 г. построен Братский острог), а земли по реке Лене называли «Братской землею» и узнавали о ней от тунгусов, которые представляли ее какой-то богатой, обетованной землею. От тунгусов доходили до них слухи и о мугальской (монгольской) земле, о Китае и о множестве серебра в тех странах (см.: [8. С. 312–314]).

Возвращаясь к упомянутой Броделем скорости продвижения русских казаков в освоении новых земель, отметим, что миссия томского казака Ивана Петлина весной – летом 1618 г. достигла Монголии и Китая, и не просто установила торговые и дипломатические отношения Московского государства с Китаем, но, что важно, с большим перерывом после Марко Поло вновь показала европейцам путь в Китай через Евразию. Отчет Петлина «Роспись Китайскому государству и Лобинскому, и иным государствам, жилым

и кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам» [9] открывал широкие возможности сухопутного движения товаров по Сибири, Монголии и Китаю. В этом отчете мы встречаем перечень богатств вновь открытых стран. Это просо, пшеница, рожь, ячмень, овес (и иные семена, название которых не было известно казакам), но хороший белый хлеб они отмечают особо. Фрукты и овощи также включены в отчет – яблоки, дыни, арбузы, тыквы, вишни, лимоны, огурцы, лук, чеснок и т.п. Из драгоценностей – собственное китайское серебро и алмазы, поставляемые в Китай из соседнего «Железного царства», находящегося недалеко от Бухары, по рассказам, богатого.

Неудивительно, что схема византийской утопии в образе царства Иоанна как рая земного характеризуется не только материальными богатствами и чудесами. Для поселенцев открывались новые возможности по воплощению идеального общественно-политического устройства. У Ремезова оно включает и требования к публичной речи, и следование законам в отношениях народов Сибири, соединенных мирным союзом, и даже философию как основу правды и любви между племенами. Но одновременно это и консервативное мироустройство (земной рай, остерегающийся грехопадения), требующее новых вещей не вносить, пришлых людей не принимать и, что самое главное – формирующее свою региональную идентичность «да нашему сибирству во веки пребывать» [7. С. 571]. Итак, «сибирство» – это воплощенное в территорию и новый жизненный уклад той самой воли, которая вела казаков и беглых крестьян на поиски земного рая. Такой уклад не только угоден царю, получившему новые территории (и дань с них), но и Богу. Ремезов посвящает этому значительную часть своей «Истории»: о молебне «сибирян» и небесном благословлении «сибирян», а также о небесных знамениях, связавших новый край «пресветло православным союзом духовным». Сибирь сравнивается с орлиным гнездом с птенцами, которое подобно орлу покрыл своими крылами всесвятой и животворящий дух [Там же. С. 569–570].

Реальное же значение огромного края для российской власти было чрезвычайно ограничено собственными ресурсами той самой власти. В свое время польский политолог Артур Боднар вывел интересную формулу пространственной зависимости властных ресурсов: «Сила социального воздействия является в определенных ситуациях обратно пропорциональной квадрату расстояния (например, от центра)» [10. S. 89]. Еще двести лет назад Константин Арсеньев, сообразуясь с критериями целесообразности управления, предложил разделить Российскую империю (которая включала тогда и Закавказье, и Царство Польское, и Финляндию) на 10 «пространств»: Северное (от Финляндии до Северного Урала), Алаунское (исторически Ижорская земля, а впоследствии Ингерманландия), Балтийское (от Финляндии до Литвы и Польши), Низменное (Белоруссия и Литва), Карпатское, Степное (от Азовского до Каспийского морей), Окское (центр Европейской России), Волжское (от Саратова до Ярославля), Уральское (богатства недр делают его политически значи-

мым) и, наконец, Сибирское. Отличительной особенностью Сибирского пространства он называл «грядущие перспективы».

Арсеньев в теории, как и наши руководители (в прошлом и настоящем) на практике, явно тяготился огромной Сибирью. Это видно из его оценок жизненно важных для государства ресурсов. Прежде всего, климат. Он, по мнению автора, при всем удивительном разнообразии весьма неблагоприятен. Особенно скептической был настроен против переоценки ресурсов Арктики, критикуя поиски арктического морского пути в период правления от Петра I до Екатерины II: «Только дикие народы, обитающие по берегам... занимаются рыбной ловлей и промыслами морских животных». Аналогично неперспективными виделись ему и сибирские реки: известные своей величиной, они приносят мало пользы, так как текут с юга на север, где две третьих года свирепствует зимняя стужа, реки покрыты льдом. «Притом же они протекают по землям, в коих обитают народы дикие, бедные, не имеющие понятия о гражданских связях, не избытков для меня... Столь невыгодная система вод много содействует тому, что Сибирь остается доселе малонаселенной и малозначащей землею в политическом отношении» [1. С. 18].

Обратим внимание на излишний скепсис, во-первых, в отношении главных транспортных артерий того периода – до строительства Сибирской железной дороги оставался почти век. Во-вторых, Арсенев обнаружил слабое знание истории освоения Сибири, где, прежде всего, малые реки сыграли главную роль в быстром продвижении казаков по непроходимым землям. Что касается рыночной незначимости северных и сибирских аборигенов, то протоистория сибирского фронта начинается в период Новгородской республики: в 1193 г., а в XVI в. (в Сибири!) поморами основан первый заполярный порт-фактория Мангазея, который в XVII в. становится первым заполярным городом.

К числу возражений Арсеневу можно отнести такое рыночно-коммуникационное явление, как ярмарка. Попробуем соединить наши предыдущие контраргументы с данным институтом, по праву относимым Ф. Броделем к характерным признакам капитализма. Для Сибири система малых рек была той уникальной транспортной сетью, где в качестве торговых узлов в поселениях были регулярно проводимые малые ярмарки, на которых «дикие народы» вполне успешно реализовали свой продукт – пушнину, имеющий для страны важнейшее стратегическое значение. Меха, являющиеся устойчивым товаром в большей степени обмена, чем покупки, свозились купцами на ярмарку более высокого уровня – губернский город (Тобольск, Томск, Иркутск) и продавались оптовикам. «Великие сибирские ярмарки – Тобольская, Омская, Томская, Красноярская, Енисейская, Иркутская, Кяхтинская – были связаны одна с другой», – писал Бродель [3. С. 471]. Здесь уже главный местный товар – пушнина – не только поставлялся в государственную казну, но и встречался с товарами из Европейской России, а еще более – с конкурирующими товарами из Китая,

Бухары, Монголии и других сопредельных стран, до которых Сибирь была ближе, чем Европейская Россия [11], или, как ее называл Арсенев, «настоящая Россия». Для русского же купца поездка по всем этим ярмаркам могла занять до четырех с половиной лет [3. С. 471]. Такие сроки торгового цикла показывают не только расстояния, но и устойчивые торгово-экономические отношения.

Не входящую в «настоящую Россию» Сибирь Арсенев предлагал считать наравне с Закавказьем колонией, а вместе с Финляндией и Царством Польским – такими «странами», которые обеспечивают внешнюю безопасность, не затрудняя внутреннего управления [1. С. 22–22]. «В самом деле, – полагал Арсенев, – Сибирь есть истинная колония земледельческая, рудопромышленная и коммерческая; рассматриваемая таким образом, она имеет преимущества других государств европейских, не отделяясь от метрополии ни океанами, ни посторонними владениями. Если признаем Сибирь колонией, то Россия будет представлять весьма счастливо расположенное государство, имеющее все выгоды для народной промышленности и для благоденствия» [Там же. С. 9].

На столетия растянулось подобное понимание Сибири. Изначально в Сибири видели источник ценных мехов, что было важно для внешней торговли Москвы, впоследствии оттуда пошли медь и серебро Алтая как стратегический для чеканки монеты ресурс, затем серебро и золото Нерчинских рудников. Сюда же мы отнесем транзит товаров из Китая. К примеру, томский воевода боярин Андрей Ромодановский привез неизвестную доселе траву – чай – первому русскому царю – основателю новой династии Михаилу Романову. Но политический аспект все же доминировал. Уже в самом конце XVI в. в новый край были сосланы первые политические противники режима. Впоследствии ссылка в Сибирь станет узаконенным уголовным наказанием. И это был новый, хотя и вторичный к первоначальному освоению, фронт, когда очередная волна несогласных с режимом или противостоящих ему пополняла и культурный фонд, и генофонд сибиряков. Бродель справедливо отмечал, что такой приток новых колонистов по своим объемам (2 тыс. человек в год) для развития экономики был ничтожен. Нередко в отношении иностранцев-ссыльных делались послабления. Так, по представлению сибирского генерал-губернатора, им даровалось право отлучаться от места ссылки для торговых и промысловых дел, разумеется, в пределах Сибири [12. С. 71].

В отличие от Северной Америки Сибирь не знала рабов как важнейший трудовой ресурс. Бесспорно, каторга могла бы «уравнять» шансы Сибири и Америки, но объемы вовлечения в трудовой цикл были незначительны. Не пребывало в рабском положении и местное население. Оно, по российским законам, обладало целым перечнем льгот, включая личную свободу, и, что не характерно для крепостного строя России той эпохи, владело «землей как собственностью» [Там же. С. 74]. Льготами обладали и казаки, включая казачье самоуправление, традиционное для данного сословия.

Таким образом, положение сибиряков, за исключением каторжников, не было адским. Хотя, очевидно, до райской жизни было далеко. Наряду с объективными условиями, как суровый климат, огромные расстояния, удаленность от цивилизации, был еще один фактор. Правительство, обладая достаточной информацией о возможностях новой территории, само видело в Сибири скорее ад, чем пропагандировало райскую жизнь для будущих колонистов. Это проявлялось и в представлении несибиряков. Термин «Сибирь» в менталитете подданных царской России обладал устойчивой отрицательной коннотацией. Словом «сибирка» называли арестантскую, тюрьму предварительного заключения. «Сибирить» означало вести тяжелую жизнь и т.д. (Словарь живого великорусского языка В.И. Даля). Да и карта Российской империи создавала «общее впечатление о России как стране преимущественно азиатской», где $\frac{3}{4}$ поверхности лежит в Азии. Между тем в этой части империи проживала всего $\frac{1}{7}$ населения [13. С. 181].

Отказавшись от проекции Гаусса, выдающийся ученый Д.И. Менделеев в 1906 г. предложил свою версию карты России, которая фактически, хотя об этом у Менделеева нет в работе, отображала интересующую нас схему восточного фронта. От основания – Новгородско-Московской Руси – карта ведет вверх и на восток: Урал, Западная и Восточная Сибирь, юг Азиатской России, Дальний Восток и Чукотка. Он прогнозировал, что «в будущем Азиатской России суждено играть немалую роль в мире» и что «Россия... назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравнивания между передовым, но кичливым и непоследовательным индивидуализмом и азиатской покорной, даже отсталой и приниженой, но все же твердой государственно-социальной сплоченностью» [Там же. С. 181–182].

Обеспокоен Менделеев был и известной нелогичностью соотношения европейского центра России и ее восточных земель. Работа «О центре России» также увидела свет в 1906 г. Автор манифестировал наличие фактически трех центров – административного, поверхности и центра населенности: «Для государства, конечно, очень важна поверхность, занятая страной, но суть государственного дела все же заключается в населении, на этой поверхности живущем» [14. С. 163]. С первым центром все было понятно, это Санкт-Петербург, а ранее Москва. Менделеев пропускает данную аксиоматику. Между тем все же стоит обратить внимание на проблему политического центра и связать ее с сущностью власти. Апелляция к центру важна для нас постольку, поскольку источник властных решений гражданами воспринимается как адресат для «обратной связи». Когда человек или группа людей не могут решить свои проблемы сами, они апеллируют к институту, с которым в данный момент идентифицированы их предельные (внеобыденные) ожидания. Уже Аристотель, разрабатывая теорию совершенных политических отношений, заметил, что «идеальное политическое пространство заключается в его максимальном “наполнении” поддан-

ными, способными прокормить себя и своих властителей при соблюдении того условия, что это пространство должно перекрываться сетью властных решений и возвратных апелляций подвластных к центру. Если данными условиями пренебречь, то политическое пространство с неизбежностью подвергается разрушению» [15. С. 147]. Для разных эпох и стран политическое пространство обустривалось по-разному. Например, схема первых русских поселений – острогов – в Сибири во многом напоминала политическое пространство Древней Руси. «Пример феодальной Руси показывает, как быстро скреплялось культурно-хозяйственное пространство политическим компонентом. А поскольку почти вся история России – это прирастание территории, то нам следует обратить самое пристальное внимание на первоначальный механизм оформления государственного пространства Руси в X–XI вв. Б.А. Рыбаков в этой связи исследовал значение «погостов», определяя их количество в северо-восточной Руси к XII в. от 500 до 2 000. Его сравнение этих политико-хозяйственных институтов с «узлами огромной сети, накинутой князьями X–XI вв. на славянские и финно-угорские земли Севера!», превосходно по проникновению в суть явления. Действительно, каждый погост – это “микроскопическое полусамостоятельное государство” – был узлом государственной сети, связанным с соседним погостом и со столицей» [Там же. С. 148]. В процессе дальнейшей внутривластной экспансии государственного центра эти связи становились прочнее, а политическое пространство – монолитнее.

Что касается второго и третьего центров, выделенных Менделеевым, то они прямо или косвенно относились к динамике народно-хозяйственного развития. Путем изучения статистики переписей США за 1880, 1890 и 1900 гг., а также определения центров поверхностей отдельных штатов Менделеев показал, что за двадцать лет центр населенности «дрейфовал» от исторически значимого восточного побережья Атлантики к городам на Великих озерах – Сент-Луису и Чикаго. И это закономерное перемещение к новым промышленным узлам Северной Америки.

Показав, что «по мере увеличения народонаселения и особенно вследствие увеличения равномерности расселения центр населенности должен приближаться к центру поверхности земли, способной к расселению, что и не должно упускать из вида, так как главный интерес заключается в передвижении центра населенности в разные эпохи жизни страны» [14. С. 166], ученый просчитал центр поверхности и центр населенности Российской империи. Полагая, что в ближайшее время центр поверхности не изменится, т.е. Россия не приобретет и не потеряет территории (что оказалось совсем не так – после революции 1917 г. ушли Финляндия, Польша, Прибалтика), он сделал прогноз относительно ближайшей перспективы смещения центра населенности. «Центр же населенности, – писал Менделеев, – при полном сохранении всей территории, должен в России изменяться и – можно даже утверждать с уверенностью – будет двигаться в сторону благодатного юга и обильного зем-

лей востока, как того требуют вся прошлая история нашей страны и ее современное и будущее благополучие. Из данных, рассмотренных выше, и из общеизвестных сведений несомненно, что наш юг и восток могут включить еще очень много народа даже при современном очень невысоком уровне нашей хозяйственной деятельности, а потому центр нашей населенности неизбежно должен двигаться как с севера на юг, так и от запада к востоку. Все, что задерживает или будет задерживать это передвижение, – только вредно, какими бы «добрыми желаниями» оно ни было проникнуто. Мое личное мнение сводится к тому, что промышленное развитие, начальное образование и благоустроенная «свобода» сильно ускорят и помогут ходу указанной исторической необходимости» [14. С. 167].

Физически центр поверхности России должен был размещаться между Обью и Енисеем в районе Туруханска. Понимая, что при народно-хозяйственной деятельности того времени это невозможно, Менделеев сделал оговорку, что надо развивать разведку недр и промышленность в целом как наиболее перспективное направление государственной политики. При этом он «вычитает» из своих выкладок районы тундры и северных лесов как непригодные для сельскохозяйственной деятельности. Теперь конкретной картографической привязкой центра уже поверхности, благоприятной для расселения, должен стать район «около границы Тобольской и Томской губерний, немного севернее Омска. Можно полагать, что в направлении примерно к этому месту – с уклоном на юг – будет в ближайшие десятилетия перемещаться современный центр населенности» [Там же. С. 177–178].

Завершая анализ взглядов Менделеева, отметим политико-нравственную составляющую его изысканий. Обращаясь к недавно возникшему в России институту парламентаризма – Государственной думе, он обрисовал альтернативы Российской империи: «Будем ждать, что хоть в Государственной думе найдется благоразумное большинство, понимающее всю сложность теперешнего нашего состояния и необходимость установить прочные пути как для промышленности, так и для расселения, чего без экономической «свободы» сделать нельзя и чего политические «свободы» сами по себе одни сделать не могут» [Там же. С. 167].

Таким образом, пространства Сибири, наряду с развитием образования для всего населения, и национальная промышленность, по мнению выдающегося ученого, становились ресурсами настоящей свободы для россиян, «благоустроенной свободы», как он ее называл. Альтернативой же было стремление к политическому переустройству: перемене власти, акцентированию внимания на политических свободах и т.д., вплоть до раздражавшей Менделеева пустой траты бюджетных средств на образцовых «балагуров» и «забастовщиков» вместо подготовки ученых и инженерных кадров.

Ближайшее время показало, что победила вторая точка зрения, а именно иллюзия возможности решить социально-экономические проблемы истории путем перескакивания сразу через целые этапы и того, что

«власть» – это эффективный инструмент «против законов исторической необходимости». «Существование разных темпов в различных сферах общественной жизни подтверждается типологией П. Ласлета, выделяющего четыре типа изменений в зависимости от их темпов: 1) быстрые, в т. ч. политические перемены, смена мод, взглядов; 2) средние – экономические, коммуникационные, технические, демографические, институциональные и пр.; 3) медленные – конституционные, в религиозных и нерелигиозных убеждениях; 4) очень медленные – нормативные, в производственных отношениях, в социальной структуре» [15. С. 145].

Следует отметить существенное для данной проблематики прочтение темпоральных изменений: «институциональные структуры в политическом мире (для нашей проблемы это, прежде всего, государство) действуют преимущественно в ритмах линейного времени, а «культурные», то есть те, жизнь которых более детерминирована архаическими пластами культуры, чем целеполаганием, – чаще в ритмах времени циклического» [Там же]. Это было типично для России с ее хозяйственным укладом и менталитетом. Конечно, ускорение темпов развития должно происходить в экономической сфере для того, чтобы стать «локомотивом» остальных процессов.

Методологически важные для планирования народно-хозяйственного развития и политически значимые для управления страной расчеты Менделеева, о которых речь шла выше, пришлось не только на период Первой русской революции 1905–1907 гг., но и на время между двумя наиболее значимыми социально-экономическими событиями по обустройству Сибири. Первое – строительство Транссибирской железной дороги, или, как ее официально называли, – Великого сибирского пути. Второе – Столыпинская аграрная реформа.

Начнем с уникального даже по нынешним меркам проекта строительства железной дороги, которая должна была связать политические и экономические центры – Петербург и Москву – с Владивостоком. До настоящего времени самая протяженная в мире железная дорога – более 9 000 км – не просто была построена, а построена менее, чем за десять лет. В справочных изданиях, да и специальных работах нередко называют круглую цифру 10. Тем не менее на 19 мая 1891 г., когда наследник царского престола Великий князь Николай заложил основание Уссурийской железной дороги, проект Великого сибирского пути был еще в планах его отца – императора Александра III. С.Ю. Витте писал в своих мемуарах о событиях 1892 г., когда он, уже, будучи министром финансов, ознакомился с теневой стороной проблемы: «Император Александр III мне как бы жаловался на то, что вот, несмотря на все его усилия в течение 10 лет, он все время встречает со стороны министров, в комитете министров и в Государственном Совете затруднения в быстром исполнении этой мысли» [16. С. 392]. Для Сибири и для России в целом стало большой удачей, что сам Витте, в прошлом служивший на железных дорогах Юга и Запада России, а затем и в ранге министра, понимал и значение такой дороги, и спе-

цифику вопроса, и вопросы финансирования. Но самым важным стал политический шаг, когда в качестве председателя создаваемого особого комитета Сибирской железной дороги – органа, обладающего значительными полномочиями для решения этой комплексной проблемы без проволочек – а это не только технические и финансовые, но и законодательные вопросы, был поставлен наследник престола Великий князь Николай. Итак, начала воплощаться императорская идея, двигателем ее стал бывший служащий железных дорог, а к этому моменту – министр финансов, наконец, подпись цесаревича Николая придавала решениям комитета уже форму закона. Наследник престола Николай «очень увлекся этим назначением, принял его близко к сердцу; когда сделался Императором, то сохранил за собою звание председателя сибирского комитета и все время интересовался этим делом. Конечно, благодаря этому я и мог так быстро подвинуть дело сибирской дороги, так что этот великий сибирский путь был в течение нескольких лет совершенно устроен, и Петербург или, иначе говоря, Париж соединился с Владивостоком прямым железнодорожным путем», – писал Витте [16. С. 395].

К геополитической стороне вопроса мы еще вернемся, сейчас же – о главной теме статьи. Великий сибирский путь был напрямую связан с главным сибирским фронтиром – крестьянским.

Александр III получил в наследство не только трон, обгаренный кровью отца, убитого террористами, но и нерешенную проблему фактического освожденных крестьян. На 1861 г., когда Александром II был подписан исторический документ об освобождении крепостных крестьян, таковых от общей численности населения России было 36%. Если учесть, что крестьяне получили право на землю за выкуп, что эта земля отходила не им лично, а сельской общине и, наконец, тот факт, что процесс освоения растянулся на полвека, то решение проблем новых сельскохозяйственных земель, в том числе и сибирская альтернатива, были своевременными. Витте писал об этом в связи с решением о строительстве железной дороги: «Теперь уже не составляет вопроса: есть ли переселение крестьян из Европейской России в Сибирь благо или нет? <...> Еще 18 лет тому назад это считалось вредом, и правительство принимало все меры в административном порядке для того, чтобы крестьяне были пригвождены к своей земле... Император Александр III, конечно, утвердил журнал Сибирского комитета, в котором была выражена идея о полезности переселения для общегосударственных интересов и идея о вреде искусственного затруднения этого переселения» [Там же. С. 401–402]. Добавим для сравнения: величайший технический проект строительства Транссиба был воплощен за 10 лет, а ликвидация рабства в России растянулась на 50 лет, что свидетельствует о фактической неспособности российской власти эффективно решать крупные социальные проекты ненасильственными методами.

В связи с исследованием роли Транссиба возникает желание сравнить два фронта – американский и сибирский. Начнем с того, что у США и России была

общая модель расширения территории. Как пишет американский историк и политолог Дэниел Бурстин, у стран Старого Света, таких как Англия, Франция, Германия и Италия, это был процесс объединения; «национальная история Соединенных Штатов – это история разрастания. Соединенные Штаты с самого начала росли, добавляя новые районы из внутренних территорий с необозначенными границами» [17. С. 534]. Историей разрастания был и процесс освоения новых территорий Россией (вплоть до Аляски, Алеутских островов и фортов в Калифорнии с 1648 по 1867 г.). Следует заметить, что обе величайшие державы, Россия и США, практически одновременно стали решать проблему отмены рабства. Наконец, устойчивое железнодорожное снабжение не только давало шанс на современное решение проблемы связи США с Европой через Северную Азию с помощью железных дорог, но и делало возможным выгодные коммерческие сделки при строительстве дороги и транзите товаров, привлечение инженеров, оборудования из страны, которое в 1860-х гг. решило проблему связи восточного и западного побережий, переселения на Запад, освоения и последующего развития новых земель.

Американцы по-разному относились к политике царского правительства в Сибири. Для некоторых Сибирь была большой тюрьмой, с чем просто невозможно спорить, но в субъективном плане этому в немалой степени способствовали публикации Джорджа Кеннана, впоследствии объединенные автором в книгу «Сибирь и ссылка». Вышел ли Кеннан во время своей многомесячной поездки по Сибири на тему ссылки (не заметить ссылных в Сибири было просто невозможно) и реализовал возможность «продать сенсацию», был ли это социальный заказ – сегодня трудно судить. Но значение книги, выступлений автора с ее презентациями, в арестантской одежде и кандалах, сыграли, пожалуй, для Сибири такую же отрицательную имиджевую роль (подробнее см.: [18. С. 320–388]), какую для России в целом – книга маркиза де Кюстина.

Существовали и сторонники России, оправдывавшие ее деятельность в Северной Азии и считавшие, что «русские были такими же экспансионистами, как англичане, французы, немцы, американцы, и, также как последние, хотя, вероятно и с использованием восточных методов, выполняли естественную и в конечном итоге прогрессивную программу *территориального расширения*» [Там же. С. 315]. Эта цитата из статьи «Экспансия России в XIX столетии» (1901) профессора Гарвардского университета Арчиальда Кулиджа подчеркивает правильность наших сравнений России и США в плане территориального роста. Утвердившись во мнении о цивилизаторском характере русского фронта в Сибири, сторонники данной точки зрения нередко сравнивали Ермака с Кортесом, «Кортес славян» [18. С. 315, 332]. «Сибирское Эльдorado», «сибирский Клондайк» – это уже типично американское видение рая. Американские путешественники, по совместительству сотрудничавшие с газетами, задавали тон. Например, для Дж. Ральфа Сибирь –

это «земля обетованная», где благодаря Транссибу найдут свою мечту тысячи крестьян-колонистов [18. С. 323]. Профессор Эдвин Гросвенор, как пишет В.И. Журавлева, не просто противопоставлял Сибирь Европейской России, но и считал, что из Сибири вставало солнце политического обновления Российской империи [Там же. С. 333]. Конгрессмен Э. Хилл, проехавший во время кругосветного путешествия в 1901 г. по Транссибу до Европы, также «противопоставлял Европейскую Россию и Сибирь, где вместо преступников и ссыльных он увидел территорию, на 97% населенную крестьянами-колонистами, жившими лучше и свободнее, чем русские к западу от Урала и чем жители в некоторых европейских странах» [Там же. С. 334–335].

Надо заметить, что к этому времени, а именно в 1900 г., вышел указ императора Николая II, которым отменялось такое наказание, как ссылка в Сибирь, а в ноябре 1901 г. был запущен в эксплуатацию Великий сибирский путь, связавший Европу и Тихий океан, но сыгравший роль станового хребта для заселения Сибири, сконцентрировавший вокруг себя промышленные предприятия на востоке России, тем самым обеспечивший переход к промышленному капитализму в тех землях, которые не знали феодальной зависимости и которым ближе был американский образ хозяйствования, естественно, с поправками на традиционную культуру и рутинный характер политического управления. По поводу сопоставления двух фронтиров XIX в., американского и сибирского, американский дипломат (как указывает В.И. Журавлева, ссылаясь на его статью) Т. Биль (в журнале *Cosmopolitan*. 1897–1898. Vol. 24) писал, что «при сравнении американских фронтирменов и русских он нередко отдавал предпочтение последним» [Там же. С. 332]. Бесспорно, и аналогии с США, и образы «американской Сибири» должны критически корректироваться. Во-первых, это климат. В Сибири он значительно отличается от климата на западе Соединенных Штатов. Об этом справедливо писал А.Д. Агеев: на Тихоокеанском Северо-Западе «природа была почти как на Атлантическом Северо-Востоке», русские же из всей Сибири выбирали преимущественно лесостепи, привычные для Европейской России [19. С. 40–44]. Во-вторых, политическая система и способы управления. Если в США для политического обустройства нового штата требовалось максимум 62 года (Нью-Мексико) и новая территория обретала равноправие со старыми штатами, при этом отражая в собственной конституции территориальную и политико-культурную уникальность не только в отношении штатов-соседей, но и федеральной власти [17. С. 535–536], то в России доминировала унитарность центра. Оговоримся, что царское правительство в вопросах своеобразия не было столь нетерпимым, это касалось и таких составных частей империи, как Царство Польское и Финляндия, Прибалтика (в вопросе отмены крепостного права), а также политических традиций Средней Азии и Кавказа. Вспомним и высказывания Арсеньева относительно свобод для различных сословий в Сибири. Но в целом система самодержавного управления являлась

тормозом развития новых социально-политических отношений.

Незавершенность реформы по освобождению крепостных крестьян тормозила развитие хозяйственных и социально-политических отношений, что осознавали и в правительстве. Это лежало тяжелым бременем на плечах самого массового сословия – крестьянства. Российские окраины и, прежде всего, Сибирь стали пространством, где искали «лучшую долю» крестьяне в ходе так называемой Столыпинской аграрной реформы.

В русском языке слово «доля» означает определенную часть чего-то и одновременно является синонимом судьбы. В отличие от «воли», о которой речь шла в начале статьи в связи с казаческим фронтиром, доля не зависит от желания и поступков человека, она дана свыше. Русские пословицы уделяют большое внимание этой составной части национального менталитета. Например, в известном словаре Владимира Даля есть такое сопоставление доли и воли: «Не в воле счастье, а в доле» [20. С. 1152]. И оно отличается от казачьей пословицы «Казака доля – сабля и воля». Но если казак свою долю саблей добывает, то и крестьянину нет запрета на поиск лучшей доли. Нередко эти поиски связаны с переменой места, обретением своего «земного рая». Крестьянский сибирский фронт, зародившийся в XVII в. как вольные переселения за Урал в поисках лучшей доли, сначала был нерегулируемым правительством. Крестьяне селились под защитой казачьих крепостей, осваивали пашенные земли и сенокосные луга. Впрочем, достаточно быстро им находился хозяин, как правило, это было государство, которое приписывало эти земли к казенным заводам. Постепенно крестьяне проникали и в Восточную Сибирь, и на Дальний Восток. Уже отмечалась роль Транссиба в колонизации Сибири, но самое массовое переселение в условиях железнодорожной связи с этим краем было предпринято премьер-министром Петром Столыпиным. В 2016 г. началу столыпинского проекта исполняется 110 лет. Остановимся на итогах, сформулированных В.П. Зиновьевым и Н.А. Фёдоровой, – с 1906 по 1914 г. в Сибирь переселилось более 3 млн человек, и это был самый крупный, самый обустроенный фронт, цивилизовавший не только будущих сибиряков, но и саму Сибирь. Сразу отметим, что это было добровольное переселение. Крестьянам давали возможность посмотреть и выбрать местность, в которой им предстоит жить. Итак, понимание лучшей доли начиналось с поездки в Сибирь представителей добровольных переселенцев – так называемых ходоков. Всего за указанный период за казенный счет в Сибирь съездило свыше 730 тыс. ходоков.

Далее заметим, что цивилизация начиналась для семьи переселенца уже со специального вагона, его сразу называли «столыпинским». Если раньше это был товарный вагон на одну семью со скарбом, инвентарем и скотом, то «с 1908 г. в вагонах предусматривалось водяное отопление, санузел, места для приготовления пищи» [21]. Степень подготовленности правительства к реализации кампании подтверждается и

высочайшим уровнем рекламно-информационного сопровождения по всему пути следования переселенцев и на новом поселении. На местах была проведена комплексная работа по обустройству территории. Организованы «землеотводные, гидротехнические и дорожные партии, лесные и с.-х. склады, агрономические и ветеринарные отделы, школы и больницы» (для убедительности приведем следующие цифры: 633 больницы, 163 амбулатории, 2 пастеровские станции и даже 12 лечебных заведений минеральных вод). В корне изменилась логистика: для новых сибиряков проложили свыше 12 тыс. км грунтовых дорог и 857 км водоотводных каналов, соорудили 13 771 колодец и 161 водохранилище. Были построены жилые бараки вдоль линий ж/д, столовые, стационарные фельдшерские пункты [21]. И все это не временные сооружения «под проект», они способствовали дальнейшему обустройству Сибири. Добавим сюда школы, предусмотренные правительством, и новые церковные храмы, возводимые силами губернских епархий, – это картина, типичная для сотен новых населенных пунктов, которые возникали на местах переселений. Лучшая доля и цивилизованный подход со стороны организаторов, включая выгодные кредиты под новый инвентарь, постройку жилья и т.п. (получили свыше 850 тыс. человек), принцип организации, отличный от прежнего уклада, не замедлили сказаться. К началу Первой мировой войны Сибирь стала выходить на первое место по продаже зерна, сливочного масла и других сельскохозяйственных товаров.

Для сравнения: в СССР в период «ликвидации кулачества как класса» семье спецпереселенца разрешалось взять с собой вещей и продуктов столько, сколько войдет на подводу, а личных вещей – сколько можно одеть на себя. Если столыпинскому переселенцу были обеспечены максимально возможные удобства, включая и выбор места для проживания, то семью спецпереселенца могли оставить в тайге, болотистой местности, предоставив для выживания от Советского государства мешок муки, топор, пилу и лопату, чтобы построить землянку и обеспечить себя топливом на зиму. Статистика насильственной депортации в Сибирь еще нуждается в обстоятельном изучении. До сих пор историки расходятся в цифрах, сколько миллионов человек было принудительно отправлено в Сибирь; в контексте нашей статьи существеннее показать, что это был умышленно организованный ад, и уже на втором месте стоит принцип внеэкономического принуждения, целью которого была «эффективность» социалистического строительства.

Политическая ссылка в Сибирь, возобновленная Советами в 1921 г., депортация репрессированных народов в 40-е гг., роль ГУЛАГа в экономике Сибири в целом – бесспорно, отдельные темы. Даже специальные исследования не всегда раскрывают потенциал Сибири и возможность новых фронтиров. В 2007 г. в России вышел перевод книги американских авторов Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди «The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia Out in the Cold», деликатно озаглавленный переводчиками «Сибирское

бремя», хотя оригинал звучит как «Проклятие Сибири» [22].

И все же система ГУЛАГа как главная экономическая сила развития Сибири, дотационность и бесперспективность сибирской экономики, а главное – холод как основная черта сибирской жизни напоминают старые идеи Джорджа Кеннана, которые исследователи сочли достаточными для характеристики фронта. «Скорее холод, чем величина территории, определяют сущность распространенных сегодня представлений о России... *Россия* ассоциируется в воображении иностранного обывателя с Сибирью, вечной мерзлотой и водкой, согревающей тело и поднимающей дух в долгую зимнюю ночь» [22. С. 40]. Далее идет пассаж, который можно назвать по его расхожести «генерал Зима», с примерами из кампаний 1812 и 1941–1943 гг. Холод вместе с территорией – это два стратегических актива России.

В отношении будущего Сибири авторы недвусмысленны: «Сибирь очень нужна России, но россияне не надо заставлять или убеждать жить в Сибири... важно не препятствовать тем, кто может или желал бы уехать» [Там же. С. 226]. Ф. Хилл и К. Гэдди осознают стоимость рефронтира, понимают, что это не по силам правительству России. На этот счет, по их убеждению, можно использовать программы международной помощи, а вместо переселяемых сибиряков разумно использовать силы мигрантов, к примеру, из Средней Азии или новые технологии с их обслуживанием вахтовым методом. От территории-концессии проект отделяет сохранение суверенитета России в Сибири и на Дальнем Востоке и компенсация в виде придания Сибири статуса всемирного наследия ООН и особо охраняемой территории. «Пора прекратить создавать мифы о Сибири. Россиянам стоит начать думать о бескрайних зауральских пространствах как о *российском пространстве*, а не как о *России*. В мыслях о России и ее экономической географии ключевая позиция сердца Родины должна быть возвращена историческому центру вокруг Москвы... Сибирь следует начать вновь рассматривать как “ресурсный рубеж”» [Там же. С. 224].

Таким образом, 400 лет сибирского фронта американские авторы предлагают отмотать назад, как фильм с не очень удачным сюжетом и бесславым концом. Вернуться во времена Ивана Грозного, но не в режиссуре Сергея Эйзенштейна, а его голливудском ремейке. Что касается мифов о Сибири, то они возникли раньше, чем началось ее освоение. Они эволюционировали от сказаний об Александре Македонском и более поздних византийских и русских легенд. Миф – это не поверхностно понимаемая ложная картина, а универсальная интерпретационная схема. Она действует вне рационального поля, поэтому концепты «Родина» и «сердце Родины» как раз относятся к базовым мифоконструкциям.

Эволюционировало и само содержание мифов о Сибири: от образа великой пустыни за Уралом до земли, населенной неведомыми существами, и, наконец, до образов земного рая или ада. Не всегда этот образ соответствовал реалиям, но если воспользоваться

ся концептом «Родина», то это Сибирь в результате добровольной и принудительной селекции создала особый тип россиян. «Сибиряки – народ сборный, но отборный», – писал в своих мемуарах советский руководитель Егор Лигачев [23. С. 35].

Действительно, с точки зрения статистики Сибирь удивляет своими парадоксами. Составляя (вместе с Дальним Востоком) почти 74% российской территории, она является родиной всего для 26 млн человек.

С другой стороны, это практически пятая часть населения страны. На данный момент в России сложилась противоречивая ситуация с точки зрения понимания

места Сибири в государственной политике. С одной стороны, вызванный санкциями политический и экономический дрейф к Азии (газопровод «Сила Сибири», евразийские союзы), укрепление экономического и военного влияния в Арктике [24]. С другой стороны, на всю Сибирь не хватает ресурсов, как, например, на поддержку и развитие территорий Дальнего Востока с отдельной «строкой бюджета», созданием министерства развития Дальнего Востока и рядом комплексных программ, включая военные и космические. Поэтому в ближайшее время трудно ожидать очередного внутри-российского фронта в «подающую надежды» Сибирь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев К. Начертание статистики Российского государства. СПб. : Б. и., 1818. Ч. 1: О состоянии народа.
2. Костомаров Н. Ермак Тимофеевич // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : Б. и., 1915. Т. I: Господство дома Св. Владимира. С. 461–473.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М. : Прогресс, 1992. Т. 3: Время мира.
4. Аверинцев С. Византизм и Русь: Два типа духовности // Другой Рим: Избранные статьи. СПб. : Амфора; ТИД Амфора, 2005. С. 315–365.
5. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб. : Филол. фак-т СПб. гос. ун-та, 2000.
6. Паперный В. Культура Два. 2-е изд., испр., доп. М. : Новое литературное обозрение, 2006.
7. Ремезов С.У. История сибирская. Летопись Сибирская краткая Кунгурская // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. вторая. М. : Худож. лит., 1989. С. 550–582.
8. Костомаров Н. Сибирские землеискатели XVII века // Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : Б. и., 1915. Т. II: Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. С. 311–319.
9. Роспись Китайского государства и Монгольских земель, составленная томским казаком И. Петлиным. URL: <http://www.predistoria.org/index.php?name=News&file=article&sid=526>, свободный.
10. Bodnar A. Czas i przestrzen w polityce // Mechanizmy polityczne zycia społecznego. Ciaglosc i zmiana w zyciu politycznym / pod red. T. Kementewicza. Warszawa, 1988.
11. Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и степных областей во второй половине XIX века. Из истории российско-азиатской торговли. Барнаул, 2002.
12. Арсеньев К. Начертание статистики Российского государства. Ч. 2: О состоянии правительства. СПб. : Б. и., 1819.
13. Менделеев Д.И. О карте России // К познанию России. М. : Айрис-пресс, 2002. С. 180–203.
14. Менделеев Д.И. О центре России // К познанию России. М. : Айрис-пресс, 2002. С. 159–179.
15. Щербинин А.И. Политический мир во времени и пространстве // Полис. Политические исследования. 1994. № 6. С. 142–149.
16. Витте С.Ю., граф. Воспоминания. Берлин : Слово, 1923.
17. Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М. : Прогресс ; Литера, 1993.
18. Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. М. : РГГУ, 2012. Гл. 5.
19. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад : движение фронтиров. Иркутск : Иркут. ун-т, 2002.
20. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Прогресс-Универс, 1994. Т. 1.
21. Зинovieв В.П., Фёдорова Н.А. Переселение в Сибирь и на Кавказ // Фонд изучения наследия П.А. Столыпина. URL: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=106, свободный.
22. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007.
23. Лигачёв Е.К. Предостережение. М. : Правда, 1999.
24. Щербинин А.И., Данилова Е.А. Россия: символический опыт и инновационные возможности в геополитической борьбе за Арктику // ПОЛИТЭКС – ПОЛИТическая ЭКспертиза. 2014. Т. 10, № 4. С. 101–109.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 апреля 2016 г.

WILL AND FATE: SIBERIAN FRONTIER AS A SEARCH FOR PARADISE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 178–187.

DOI: 10.17223/15617793/408/27

Shcherbinin Alexey I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Shcherbinina Nina G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Keywords: Siberia; frontier; passionarity; concepts ‘will’ and ‘fate’; politics.

Siberia occupies about two-thirds of the territory of the Russian Federation. In the present article the authors consider the moral and political bases of the Siberian frontier as a phenomenon of development of this vast territory that is unique in its scale and speed. There are stereotypes of the Western society, and sometimes of the Russians themselves, about the “dark Siberia”: emptiness, cold, night, bears, hard labor, when the Siberian world just shrinks to the abbreviation GULAG. No doubt, the extreme climatic conditions of the region as well as the horrors of Siberian camps should not be ignored. At the same time, it should be recalled that, paradoxically, this land, in particular because of its vastness and remoteness from Moscow and Saint-Petersburg, has been considered for centuries as a place of refuge and asylum, as the promised land, where new social practices can take place, as a land of freedom in isolation from an authoritarian and predatory “center”. The authors consider the dichotomic concepts ‘will’ and ‘fate’ as mental background of massive waves of migration to Siberia – Cossack and peasant ones respectively. Human diversity has created a kind of a “spiritual reservoir” for a potential transformation in Siberia today, as before, for the missionaries of various denominations as a result of a variety of religious interactions and ideas. Finally, through history this region can be considered as a kind of Eden where different and even opposing styles and models of life coexist – the traditional economy of the Siberian peoples and the oil and gas industry. Protective space for somebody, territory of utopias

implementation for others, Siberia has also been and continues to be a place of economic migration. For the Russian internal space as well as for the external one, natural resources of Siberia make a real Eldorado of it. In the process of development the content of the myths about Siberia has been changing: from the image of a great desert out of the Urals to the images of terrestrial paradise or hell. It is not always that this image corresponds to reality, but if we use the concept 'Homeland', it is Siberia that as a result of voluntary and forced selection has created a special type of Russians. The very perception of Siberia as 'paradise' or 'hell' is a value basis for the ongoing discussion about the importance of this land for Russia.

REFERENCES

1. Arsen'ev, K. (1818) *Nachertanie statistiki Rossiyskogo gosudarstva* [Writing of statistics of the Russian State]. Vol. 1. St. Petersburg.
2. Kostomarov, N. (1915) Ermak Timofeevich. In: Kostomarov, N.I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley* [Russian history in the lives of its principal figures]. Vol. 1. Moscow.
3. Braudel, F. (1992) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material civilization, economy and capitalism, 15th–18th centuries]. Vol. 3. Moscow: Progress.
4. Averintsev, S. (2005) Vizantiya i Rus': Dva tipa dukhovnosti [Byzantium and Russia: Two types of spirituality]. In: Averintsev, S. *Drugoy Rim: Izbrannye stat'i* [Other Rome: Selected Articles]. St. Petersburg: Amfora.
5. Kolesov, V.V. (2000) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka* [Ancient Rus: Heritage in the word. World of man]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg. State University.
6. Papernyy, V. (2006) *Kul'tura Dva* [Culture Two]. 2nd ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Remezov, S.U. (1989) *Istoriya sibirskaya. Letopis' Sibirskaya kratkaya Kungurskaya* [The history of Siberia. Brief Siberian Kungur annals]. In: Dmitriev, L.A. & Likhachev, D.S. (eds) *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek* [Monuments of literature of ancient Russia. 17th century]. Vol. 2. Moscow: Khudozh. lit.
8. Kostomarov, N. (1915) Sibirskie zemleiskateli XVII veka [Siberian land-seekers of the 17th century]. In: Kostomarov, N.I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley* [Russian history in the lives of its principal figures]. Vol. 2. Moscow.
9. Petlin, I. (1619) *Rospis' Kitayskogo gosudarstva i Mongol'skikh zemel', sostavlenaya tomskim kazakom I. Petlinym* [Story of the Chinese state and Mongolian lands compiled by Toms Cossack I. Petlin]. [Online] Available from: <http://www.predistoria.org/index.php?name=News&file=article&sid=526>.
10. Vodnar, A. (1988) Szas i przestrzen w polityce [Time and space policy]. In: Kementewicz, T. (ed.) *Mechanizmy polityczne zycia spolecznego. Ciaglosc i zmiana w zyciu politycznym* [Political mechanisms of social life. Continuity and change in political life]. Warsaw.
11. Shcheglova, T.K. (2002) *Yarmarki Zapadnoy Sibiri i stepnykh oblastey vo vtoroy polovine XIX veka. Iz istorii rossiysko-aziatskoy torgovli* [Fairs of Western Siberia and the steppe regions in the second half of the 19th century. From the history of Russian-Asian trade]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
12. Arsen'ev, K. (1819) *Nachertanie statistiki Rossiyskogo gosudarstva* [Writing of statistics of the Russian State]. Vol. 2. St. Petersburg.
13. Mendelev, D.I. (2002) O karte Rossii [About the map of Russia]. In: Kostyashkin, N.A. & Goncharova, E.M. (eds) *K poznaniyu Rossii* [To the knowledge of Russia]. Moscow: Ayris-press.
14. Mendelev, D.I. (2002) O tsentre Rossii [About the center of Russia]. In: Kostyashkin, N.A. & Goncharova, E.M. (eds) *K poznaniyu Rossii* [To the knowledge of Russia]. Moscow: Ayris-press.
15. Shcherbinin, A.I. (1994) Politicheskiy mir vo vremeni i prostranstve [The political world in time and space]. *Polis*. 6. pp. 142–149.
16. Count Vitte, S.Yu. (1923) *Vospominaniya* [Memories]. Berlin: Slovo.
17. Burstin, D. (1993) *Amerikantsy: natsional'nyy opyt* [Americans: national experience]. Moscow: Progress; Litera.
18. Zhuravleva, V.I. (2012) *Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify* [Understanding of Russia in the United States: Images and myths]. Moscow: RSUH.
19. Ageev, A.D. (2002) *Sibir' i amerikanskiy Zapad: dvizhenie frontirov* [Siberia and the American West: the movement of the frontiers]. Irkutsk: Irkutsk State University.
20. Dahl, V.I. (1994) *Slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language]. Vol. 1. Moscow: Progress-Univers.
21. Zinov'ev, V.P. & Fedorova, N.A. (n.d.) *Pereselenie v Sibir' i na Kavkaz* [Resettlement in Siberia and the Caucasus]. [Online] Available from: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=106.
22. Hill, F. & Gaddy, C. (2007) *Sibirskoe bremya. Proschety sovetского planirovaniya i budushchee Rossii* [Siberian burden. The miscalculations of the Soviet planning and the future of Russia]. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyy forum po mezhdunarodnym otnosheniyam.
23. Ligachev, E.K. (1999) *Predosterezhenie* [Warning]. Moscow: Pravda.
24. Shcherbinin, A.I. & Danilova, E.A. (2014) Rossiya: simvolicheskiy opyt i innovatsionnye vozmozhnosti v geopoliticheskoy bor'be za Arktiku [Russia: a symbolic experience and innovative capabilities in the geopolitical struggle for the Arctic]. *POLITEKS – POLITicheskaya EK-Spertiza – Political Expertise: POLITEX*. 10:4. pp. 101–109.

Received: 19 April 2016